

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 96—104.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 96—104.

Научная статья

УДК 94(3)"03/05":27

EDN <https://elibrary.ru/kwtamy>

DOI: 10.46726/И.2026.2.12

ЧАСТНАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ИНИЦИАТИВА НА ПОЗДНЕАНТИЧНОМ ЛАТИНСКОМ ЗАПАДЕ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Анна Сергеевна Шемарина,

Владимир Михайлович Тюленев

Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия,

ann.speransky@mail.ru, tyulenev.vl@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена частной религиозной инициативы на латинском Западе эпохи Поздней Античности. Очевидно, что традиционные представления о христианизации римского и пост-римского мира IV—VI вв. как о процессе, во главе которого стоят церковные иерархи, требуют своего пересмотра. Этот пересмотр стал возможен благодаря археологическим раскопкам, позволившим по-новому увидеть мир позднеантичной виллы, в том числе ее религиозную жизнь. Однако собранный археологический материал оказывается сложным для интерпретации и не позволяет увидеть социально-правовую сторону в строительстве церквей, ораториев и монастырей светскими лицами. В статье предлагается путь дальнейшего решения поставленной проблемы через анализ корпуса писем папы Григория I, позволяющий реконструировать не только мотивы основателей и правовые аспекты осуществления инициативы, но и увидеть столкновение интересов епископов и местной аристократии в вопросах религиозного строительства и пути их разрешения.

Ключевые слова: Латинский Запад, Поздняя Античность, церковь, епископат, аристократия, частная религиозная инициатива

Для цитирования: Шемарина А.С., Тюленев В.М. Частная религиозная инициатива на позднеантичном латинском Западе (постановка проблемы) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 96—104.

В историографии вопрос о проявлении частной религиозной инициативы на позднеантичном латинском Западе до настоящего времени остается не проясненным. Несмотря на значительный массив исследований, посвященных христианизации, становлению епископальной структуры и трансформации городского пространства, сами акты строительства культовых сооружений частными лицами или частные религиозные практики как социально-правовой и институциональный феномен редко становились самостоятельным объектом анализа. Исследователи долгое время не видели в религиозной жизни частного поместья

ничего специфического, рассматривая ее лишь в рамках так называемой «христианизации сельской местности» — понятия широкого и расплывчатого, связанного напрямую с ролью епископа и его априори предполагаемого союза с аристократией¹.

Такой подход и такого рода предположение подкреплялось чтением латинской агиографии, в которой образ святого епископа-миссионера встречается довольно часто [Тюленев: 125]. Неудивительно, что исследователи даже XX века, опираясь на эти и подобные им тексты, связывали христианизацию именно с деятельностью епископов, зачастую приписывая им полномочия и функции средневекового прелата [Bowes 2007: 147—148], в том числе и в деле строительства церквей. Тем более что археология долгое время не позволяла увидеть, как именно сосуществовали церкви, возникшие на территории вилл, и собственно жизненное пространство поместья [Там же: 146].

Первыми, кто начал пересмотр этого устоявшегося в историографии представления, стали археологи. По словам Ким Боуз, они, не удовлетворившись письменными источниками, так или иначе происходящими из церковной среды, превратили общие наброски сельского христианства в региональные панорамные картины [Там же: 149]². Впрочем, домашнее пространство, использовавшееся для богослужения, изучали прежде всего как этап в строительстве культовых христианских сооружений: от домашних церквей к позднейшим *tituli* и базиликам. Здесь нельзя не вспомнить труд Л. Майкла Уайта, собравшего в одном обширном издании археологические и письменные источники по истории христианской архитектуры до эдикта Константина [White 1997]. Хотя частное строительство не было для Уайта центральной темой, его книга, так или иначе, могла служить отправной точкой для дальнейшего изучения именно этого, интересующего нас вопроса. Одним из ключевых тезисов его монографии является утверждение о том, что именно домовладелец стал пионером в деле создания собственно христианской архитектуры [White 1996].

Благодаря археологии в историографии по-новому зазвучал голос сельских элит. Начала сознаваться их роль в процессе христианизации, а тема их участия в строительстве церквей стала обычной для научных исследований [Bowes 2007: 149—150]³. Однако вопросы о том, кто кроме епископов, почему и в каком правовом режиме формировал культовые пространства или организовывал монашеские общины, как правило, оставались и до сих пор остаются растворенными в более широких сюжетах.

Существующие труды, к сожалению, имеют ряд недостатков. Во-первых, частная инициатива в них чаще всего рассматривается не как самостоятельный феномен, а как свидетельство порой возникавшего напряжения между местными магнатами и официальной (воплощенной в фигуре епископа) церковью. Исследовательский интерес направлен преимущественно на случаи возникновения еретических собраний, частных религиозных практик, противостояния «домашнего»

¹ Такой подход прослеживается, например, в ряде статей сборника под редакцией Виоланте [Violante 1982]. Подробнее об этом см. статью Ким Боуз [Bowes 2007: 147—148].

² Однако эти «панорамы» весьма условны и требуют некоторых уточнений, которые мы рассмотрим позднее в этой работе.

³ Ким Боуз считает эту тему «обычной» в современной историографии, но при этом сослалась лишь на двух исследователей, занимающихся исследованием роли аристократа в строительстве церквей. Тема действительно все чаще появляется в научной среде, но сопровождается, преимущественно, попытками осмыслить археологический материал, о проблемах которого мы поговорим позднее.

богослужения публичному культу или на распространение аскетических форм жизни [Caner: 189—190]. Так, Х. Майер исследует роль домашнего пространства в собраниях ариан и других религиозных групп [Maier 1995]. Само существование этих собраний автор рассматривает не как проявление частной религиозности, а как форму «церковной партизанской войны» и способ выживания.

Во-вторых, исследователи, как правило, склонны полагаться на какой-либо конкретный тип источника, что часто приводит к однобокому взгляду на проблему. Письменные источники, в большей мере представленные актами церковных соборов, императорскими институциями и агиографией, вполне ожидаемо показывают реакцию епископов и императора на домашний культ и явно подчеркивают роль епископов как регуляторов религиозной жизни города или провинции в целом [Moorhead: 119—121].

Именно такая опора на один тип источников видна в работах Х. Майера. Исследователь рассматривает частные церкви исключительно через призму письменных источников, прежде всего сочинений Амвросия Медиоланского и актов церковных соборов. Х. Майер реконструирует домашние собрания ариан как пространство оппозиции, и сама постановка вопроса перенимает и транслирует логику источника; частная инициатива здесь — всегда ответная реакция, форма протеста или вынужденное убежище, но не самостоятельный феномен [Maier 1994].

Некоторые исследователи, в частности М. Сгарлата, открыто признают проблему несопоставимости письменных и археологических источников. Изучая частную религиозную инициативу на Сицилии V—VI веков, она отказывается от попыток согласовать археологию, эпистолярию и акты церковных соборов. Вместо этого исследователь предлагает сосредоточиться на более тщательном региональном учете памятников и анализе каждого типа источников [Sgarlata: 136—137]. Этот отказ от обобщений становится для неё отправной точкой для более глубокого, контекстуального анализа частных инициатив.

Наряду с этим в современной историографии тема частной религиозной инициативы оказалась включена в более широкий концепт «частной религиозности». Этот концепт разработан в труде Ким Боуз «Частное богослужение, общественные ценности и религиозные изменения в Поздней Античности». К. Боуз определяет частную религиозность как «отправление ритуала вне пространства и/или надзора институциональной церкви». К «частной сфере» она относит любые здания и земли за пределами официальных церковных строений, а также всех людей, которые могли там находиться — как мирян, так и клириков [Bowes 2008: 7—8].

Однако при всей глубине этого подхода К. Боуз оставляет за скобками важнейший аспект, а именно сами акты основания сакрального пространства (публичного или частного) и связанные с ними правовые, социальные и экономические последствия. В центре ее внимания — практика богослужения и место его совершения. Ее «частная религиозность» — это прежде всего использование уже существующего частного пространства. Между тем, внимание вполне можно и целесообразно перенести с практики на саму инициативу, лежащую в основе создания нового религиозного объекта, будь то монастырь, базилика или ораторий. Тогда ключевыми могут стать следующие вопросы: на чьи средства и на чьей земле он был построен (или основан), как и кем регулировалось его создание или строительство, кому принадлежало право собственности и, наконец, какие мотивы преследовал актор?

Аристократ или просто состоятельный человек (домовладелец), жертвующий на строительство общественной базилики или отдающий свой дом под монастырь, — как, например, некий Петр, упомянутый в письме Григория Великого,

повелевший устроить обитель в своем поместье (*Greg. Registr. IV, 9*), или Марин, завещавший расположить в своем доме ораторий для монахов (*Greg. Registr. V, 50*), — действует как частное лицо, но результат его инициативы переходит в публичную сферу. Ситуация не укладывается в противопоставление «частного богослужения» с «публичной церковью» — формируется сложное поле взаимодействия, где переплетаются личное благочестие, семейные стратегии, патронат и епископальная юрисдикция.

Само понятие «частная религиозная инициатива» не имеет в историографии точного или устоявшегося определения. Оно может трактоваться и как частное литургическое пространство, и как форма аристократического патроната, и как своеобразный этап институализации монастырей. В итоге возникает методологическая неопределенность, затрудняющая анализ.

В римском праве грань между *publicum* и *privatum* была юридически четкой, но в практике религиозной жизни она была размыта из-за влияния на нее семьи и патроната [Bowes 2008: 19—20; 59]. С одной стороны, частные церкви могли восприниматься как угроза единству Церкви, что могло создавать напряжение в отношениях епископа и, допустим, создавшего частый аскетерий аристократа и заставлять подозревать его в ереси; с другой стороны, в аскетической литературе те же самые практики показывались как образец святости [Там же: 2].

Христианские общины изначально были плодом частной инициативы, религиозное пространство во многом было частным, когда верующие собирались в домах [White 1997: 25]. В первые два века христианства нередко церковными лидерами становились именно состоятельные члены общины, владельцы поместий [Bowes 2008: 49]. В III веке христиане, по-прежнему собираясь в домах своих покровителей, начали постепенно преобразовывать эти помещения, чтобы приспособить пространство для ритуалов, в результате чего помещение теряло свою сугубо бытовую функцию [White 1997: 18—22]. История христианских культовых сооружений начинается в IV веке, после эдикта Константина, когда общины «переезжают» в базилики [White 1997: 8—9]. Впрочем, процесс этот был далеко не линейным.

Так, в Риме IV века существовала система *tituli* — церквей, построенных на деньги конкретных аристократов и получавших названия в честь своих основателей [Bowes 2008: 74], а Л. Пьетри выявила в Галлии V—VII вв. около тридцати ораториев, часовен или церквей, построенных на частной земле по инициативе владельцев [Villegas: 276]. В Константинополе же частные церкви, часто построенные придворной элитой в своих дворцах или имениях, фактически доминировали над еще слабой епископальной структурой [Bowes 2008: 115—116]. Один из знаменитых случаев «частного» религиозного центра на латинском Западе IV в. — это церковь и баптистерий Сульпиция Севера. Созданное им религиозное пространство собирало не только членов семьи и друзей, но и множество желавших присоединиться к слушателям [Тюленев: 127]. При этом, что любопытно и важно, в своих «Диалогах» Сульпиций упоминает, что распространяемое им благочестие встретило непонимание со стороны клириков (*Sulp. Sev. Dial. I, 2, 4*).

Если письменные источники, сообщающие об учреждении тем или иным лицом монастыря или о строительстве им оратория, позволяют выявить факты проявления частной религиозной инициативы, то при обращении к археологическому материалу мы сталкиваемся с фундаментальной проблемой интерпретации «немногого» материала. Дело в том, что церкви, построенные на территории вилл в IV—V вв., порой довольно сложно трактовать как результат частной инициативы жившего там аристократа. Лишь один случай не вызывает у исследователей споров:

церковь Сиццано в области Новара, где в V веке на территории еще обитаемой виллы к зданию была пристроена просторная церковь [Chavarría: 233].

Раскопки показывают, что церковь могла возникать на территории виллы уже после того, как она по тем или иным причинам (например, в результате варварских вторжений) теряла своих прежних владельцев. По обнаруженным археологами фундаментам культовых строений на виллах мы лишь можем догадываться, были ли это здания, подаренные официальной церкви их владельцем и перестроенные под нужды религиозной общины, или это церковь, которая «выросла» на руинах старых зданий без определенной воли собственника [Там же].

Случай церкви в Монте-Джелато (Лацио) наглядно демонстрирует методологическую сложность трактовки подобных построек. Церковь была возведена около 400 г. на территории виллы, которая к тому времени уже несколько веков не использовалась в качестве аристократической резиденции и обрела новых поселенцев, занятых ремесленной деятельностью [Bowes: 457]. При этом остается неизвестным, кто был заказчиком: владелец виллы или церковные власти. Фасад церкви был обращен не к вилле, а к общественной дороге, что, как пишет А. Чаваррия Арнау, может указывать на общественную роль строения [Chavarría: 235]. Однако нельзя забывать о том, что власть аристократа распространялась на сельское население, и по своему экономическому и социальному потенциалу вполне могла составлять конкуренцию власти городского епископа [Тюленев: 126]. Нельзя исключать то, что аристократ вполне мог построить церковь фасадом к дороге из своих социально-экономических соображений.

Кроме того, что порой невозможно точно определить, по инициативе ли владельца виллы возникло культовое строение на ее территории, остается неясной и первоначальная функция такого сооружения. В частности, установлено, что в Палаццо Пиньяно (Кремона) в еще обитаемой вилле находилось круглое здание с апсидой, в котором обычно видят церковь с баптистерием [Sfameni: 407]. Однако А. Чаваррия Арнау предполагает, что это мог быть мавзолей; по ее мнению, отсутствие перестроек и хронологический разрыв с более поздней церковью указывают на изначально погребальную, а не литургическую функцию здания. Это ставит под сомнение многие аналогичные «церкви вилл» [Chavarría: 237].

На Пиренейском полуострове культовые сооружения, возведенные на аристократических виллах, засвидетельствованы в Монте-де-Сегонья и Монтино-де-Ларанжейраш. На основе изучения этих и других подобных строений было отмечено, что строительство церквей, связанных с виллами в Испании, проходит две фазы: на первом этапе (IV—V вв.) места для отправления культа создаются в приемных залах и имеют, следовательно, характер частных капелл; на втором этапе (VI—VII вв.) церкви строятся на территории уже заброшенных вилл или возникших на их основе деревень [Там же].

В любом случае выявленная исследователями динамика не снимает главного вопроса: в какой момент условная часовня, построенная частным лицом или по его завещанию, становилась подконтрольной епископату; к тому же возникает другой вопрос: кто именно — аристократ или епископ — был истинным заказчиком строительства.

Довольно сложно определить ту грань, за которой культовое сооружение, построенное по частной инициативе, или созданный частным лицом монастырь переставали носить частный характер. С одной стороны, согласно Кодексу Феодосия, клирики для проведения литургии могли выбираться из жителей виллы (CTh 16.2.33 (398)) и после рукоположения епископом нести свое служение, находясь, очевидно, под существенным контролем владельца виллы. Но, с другой стороны,

построенная частным образом или на частные пожертвования церковь могла сразу же перейти под контроль епископа. Так, *Liber Pontificalis* сообщает, что знатная матрона Деметриада основала базилику св. Стефана в своем поместье в окрестностях Рима (*Lib. pontif. XLVII*). Однако надпись об ее основании, найденная во время раскопок XIX века, приписывает начало строительства церкви святого Стефана папе Льву Великому, который осуществил намерение Деметриады [*Chavarría: 235*].

Нельзя археологически установить, от кого зависели сооружения после окончательного оставления жилых помещений. Это церкви Сан-Джусто в Апулии, Коломбароне в области Пезаро-э-Урбино, Манера-дель-Гарда в Ломбардии, Ченталло в области Кунео⁴. Они были построены в нескольких десятках метров от вилл, в которых жилые помещения уже были заброшены на момент строительства.

Скорее всего, строительство церквей в таких виллах — признак перехода территории под власть епископа [*Sfameni: 417—418*]. Этот переход, по нашему мнению, вполне мог осуществляться через механизм завещания⁵: аристократ мог передать виллу церковной власти, чтобы та основала церковь или ораторий.

Итак, археология ставит перед исследователями ряд вопросов. Где при организации и отправлении религиозного культа в виллах проходила граница между властью епископа и аристократа? Насколько высоким был авторитет епископа эпохи Поздней античности за пределами города и его ближайшей округи? Могло ли в такого рода вопросах влияние магната соперничать с властью епископа?

Судя по ограничениям, вводимым римскими папами V—VI вв., церковь, так или иначе, старалась умерить это влияние. Как выразилась К. Боуз, элитное домашнее благочестие представляло для епископов Рима нечто вроде гордиева узла, распутывание которого требовало танца между поощрением и осторожностью [*Bowes 2008: 80*]. Религиозный энтузиазм аристократии воспринимался как угроза власти епископа.

Так, Геласий I (492—496) запретил основание церквей без разрешения епископа Рима [*Villegas: 277*]. Основатель должен был представить папе официальное прошение с просьбой об освящении строения и должен был сделать пожертвование духовенству. Основатель не мог претендовать большего, чем права доступа в церковь, «общего для всех христиан» [*Sfameni: 413—414*].

В постановлении Агдского собора 506 г. аристократии разрешалось иметь частную молельню на территории своего поместья «ввиду усталости домочадцев», которым неудобно добираться на мессы в город. Но Собор строго устанавливал, что в главные христианские праздники месса могла быть только в городе с участием епископа. Клирики, проводящие мессы в частных церквях в эти дни, могли быть лишены причастия (*Conc. Agath.: canon 21*). Позже епископы, участвовавшие в Клермонском соборе 535 г., разъяснили, что обязанность проводить эти праздники в городе распространяется не на всех верующих сельской местности, а только на знатных мирян [*Villegas: 277*].

Пелагий I (556—561) установил более четкую регламентацию, направленную на ограничение этой растущей аристократической религиозной самостоятельности. Он постановил, что новые молельни могут служить лишь частному

⁴ Основные попытки дать характеристику этим памятникам см. в исследованиях: [*Chavarría: 234—238; Sfameni: 407*]. Авторы, в частности, показывают, что обнаруженный в Сан-Джусто культовый комплекс следует понимать как публичный, а не частный, что строительство церкви в Коломбароне (сер. VI в.) было осуществлено на месте главного зала уже пришедшей в упадок виллы; церковь в Ченталло и расположенный рядом баптистерий построены на месте виллы, пострадавшей от пожара.

⁵ На это указывает ряд писем папы Григория Великого (в частности, *Greg. Registr. III, 58; V, 50; VI, 44*).

благочестию. Папа не одобрял проведение публичных месс в частных церквях, не допускал постоянного прикрепления пресвитера для их обслуживания, запретил строительство баптистерия при молельне [Там же].

Особую проблему представляет наличие баптистериев в виллах (Палаццо Пиньяно, Ченталло, Сан-Джусто). Обычно это считалось признаком прямого церковного контроля, что позволило исследователям выдвинуть гипотезу о размещении в подобных комплексах сельских епархий, то есть рассматривать их как места, находившиеся в непосредственном ведении епископа. Однако до запрета Пелагия I у мирян была возможность иметь свой баптистерий на территории частного владения [Sfameni: 414—415]. Запрет является ключевым доказательством того, что церковь законодательно ограничивала то, что уже стало практикой, стремясь сохранить монополию на важнейшее таинство. Однако постановление Пелагия I оказалось неэффективным. Как заключает историк Ч. Виоланте, папский престол, осознав, что искоренить эту практику уже невозможно, перешел от политики запрета к политике регулирования. Последующие папы уже не запрещали частные баптистерии, но устанавливали строгие правила для их легитимации [Violante: 999].

Таким образом, состояние источников (прежде всего письменных) позволяет, с одной стороны, говорить о заметной активности частных лиц в строительстве церквей, ораトリев и монастырей на латинском Западе в эпоху Поздней античности. Мы вряд ли ошибемся, сказав, что эта активность уходит корнями в раннехристианскую традицию патроната и сохраняет свою силу на протяжении всего изучаемого периода. В то же время археология, внесшая в последние несколько десятилетий существенный вклад в изучение позднеантичных вилл, далеко не всегда позволяет проследить, как и в каких материальных формах воплощалась эта инициатива. Большинство обнаруженных церквей, построенных на виллах, допускает множественные интерпретации. Мы не можем с уверенностью сказать, был ли заказчиком благочестивый аристократ или епископ, осваивающий уже оставленную прежним владельцем территорию, существенно сменившую свой социокультурный облик.

Постановления пап Геласия I, Пелагия I и решения церковных соборов V—VI вв. демонстрируют, что границы «частного» и «публичного» являлись предметом острой борьбы. Церковь стремилась преодолеть автономию частных основателей, запрещая баптистерии, регламентируя литургию и требуя регистрации даров. Сама интенсивность и эволюция этих мер (от попыток прямого ограничения к политике регулирования) показывает, что частная инициатива воспринималась как реальная и устойчивая альтернатива епископальному контролю.

Следовательно, перед исследователем встает комплексная проблема: как при неизбежной фрагментарности археологических данных и противоречивости письменных источников реконструировать не только масштаб частной религиозной инициативы, но и определить ее социально-правовые механизмы?

Изучение этой темы становится возможным благодаря синтезу подходов, который предлагает, например, М. Сгарлата, честно фиксирующая методологические тупики и предлагающая не искать универсальной типологии, а исследовать конкретные кейсы взаимодействия.

Накопленный корпус источников позволяет перейти от вопроса о том, была ли частная религиозная инициатива, к выявлению того, как именно и в каких правовых формах она реализовывалась. Ответ на эти вопросы требует смещения фокуса на документы, регулирующие проявление этой инициативы в конкретных случаях. В этом плане наиболее перспективным представляется анализ эпистолярного наследия папы Григория Великого, которое позволяет увидеть не только нормативную базу, но и живую практику переговоров, конфликтов и их разрешений между Римской кафедрой, местными епископами и частными донаторами.

Именно детальный разбор таких ситуаций позволит увидеть, как на практике решались вопросы о границах частного и публичного и о месте частной инициативы в церковной жизни позднеантичного латинского Запада.

Список источников

- Consilium Agathense a. 506, Concilia Galliae a. 314 — a. 506, ed. C. Munier, Corpus Christianorum: Series Latina, vol. 148. Turnholti: Brepols, 1963, 285 p. (Cons. Agath.)
 Gregorius Magnus. Registrum epistularum. Libri I—VII, ed. D. Norberg, Corpus Christianorum. Series Latina, vol. 140, 140A Turnholti: Brepols, 1982, 519 p. (Greg. Registr.)
 Gregorius Magnus. Registrum epistularum. Libri VIII—XIV, ed. D. Norberg, Corpus Christianorum. Series Latina, vol. 140A. Turnholti: Brepols, 1982, 678 p. (Greg. Registr.)
 Liber pontificalis. Pars prior, ed. Theodor Mommsen, Monumenta Germaniae Historica. Gesta pontificum Romanorum, vol. 1. Berlin: Weidmann, 1898, 295 p. (Lib. pontif.)
 Sulpicius Severus. Dialogi, CSEL, vol. 1, ed. C. Halm. Wien, 1866, pp. 152—216 (*Sulp. Sev. Dial.*)
 Teodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmondianis, ed. Th. Mommsen, Berlin, 1905, 392 p. (CTh)

Список литературы / References

- Тюленев В.М. Римская вилла в условиях христианизации латинского Запада // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 123—133.
 (Tyulenev V.M. Roman villa in the context of the Christianization of the Latin West, *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2022, iss. 2, pp. 123—133. — In Russ.)
 Bowes K. “Christianization” and the Rural Home, *Journal of Early Christian Studies*, vol. 15 (2), 2007, pp. 143—170.
 Bowes K. Private Worship, Public Values, and Religious Change in Late Antiquity, Cambridge: Cambridge University Press, 2008, 350 p.
 Bowes K. Christianization of Villas, *The Roman Villa in the Mediterranean Basin*, ed. by A. Marzano, G. P. R. Métraux, Cambridge: Cambridge University Press, 2018, pp. 449—460.
 Caner D. Wandering, Begging Monks. Spiritual Authority and the Promotion of Monasticism in Late Antiquity, Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2002, 325 p.
 Chavarria Arnau A. Chiese ed oratoria domestici nelle campagne tardonitiche, *Religionem significare. Aspetti storico-religiosi, strutturali, iconografici e materialidei sacra privata*, Quasar, 2011, pp. 229—243.
 Maier H. Private Space as the Social Context of Arianism in Ambrose’s Milan, *Journal of Theological Studies*, 1994, vol. 45 (1), pp. 72—93.
 Maier H. Religious Dissent, Heresy and Households in Late Antiquity, *Vigiliae Christianae*, 1995, vol. 49 (1), pp. 49—63.
 Moorhead J. The Popes and the Church of Rome in Late Antiquity, New York; London: Routledge, 2015, 422 p.
 Sfameni C. Dal dominus al vescovo: religione e potere nelle campagne tardoantiche, *Potere e religione nel mondo indo-mediterraneo tra Ellenismo e tarda antichità: atti dell’Incontro di Studio della società italiana di Storia delle Religioni, Roma 2004*, a cura di G. Gnoli, G. Sfameni Gasparro, Roma: ISIAO, 2009, pp. 405—426.
 Sgarlata M. Pro sua devotione. Le pulsioni autonome dell’evergetismo monumentale cristiano nella Sicilia orientale tra V e VI secolo, *Studia humanitatis: Saggi in onore di Roberto Osculati*, a cura di A. Rotondo. Roma: Viella, 2011, pp. 135—151.
 Villegas Marín R. Ciudad y Territorio, Ortodoxia y Disidencia Religiosa En El Imperio Romano Cristiano (Ss. IV—V), *Gerión. Revista De Historia Antigua*, 2012, vol. 30, pp. 263—291.
 Violante C. Le strutture organizzative della cura d’anime nelle champagne dell’Italia centrosettentrionale, *Cristianizzazione ed organizzazione ecclesiastica delle champagne nell’alto medioevo: espansione e resistenze. Settimane di studio del Centro Italiano di Studi Sull’Alto Medioevo* 28, Spoleto: Centro Italiano di Studi Sull’Alto Medioevo, 1982, pp. 963—1158.

White L.M. The Social Origins of Christian Architecture: Building God's House in the Roman World: Architectural Adaptation among Pagans, *Jews and Christians*, vol. 1, Valley Forge: Trinity Press International, 1996, 224 p.

White L.M. The Social Origins of Christian Architecture: The Christian Domus Ecclesiae and its Environment, vol. 2, Valley Forge: Trinity Press International, 1997, 524 p.

PRIVATE RELIGIOUS INITIATIVE IN THE LATE ANTIQUE LATIN WEST (STATEMENT OF THE PROBLEM)

Anna S. Shemarina, Vladimir M. Tyulenev

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
ann.speransky@mail.ru, tyulenev.vl@yandex.ru

Abstract. The article investigates the phenomenon of private religious initiative in the Latin West during the Late Antiquity. It is evident that traditional perceptions of the Christianization of the Roman and post-Roman world in the 4th—6th centuries as a process led by church hierarchs require revision. This revision has been made possible by archaeological excavations, which have provided a new perspective on the world of the late antique villa, including its religious life. However, the collected archaeological material proves difficult to interpret and does not reveal the socio-legal aspects of the construction of churches, oratories, and monasteries by laypersons. The article proposes a path for further resolution of this problem through an analysis of the corpus of letters of Pope Gregory I. This allows for the reconstruction not only of the founders' motives and the legal aspects of implementing the initiative but also reveals the conflict of interests between bishops and the local aristocracy in matters of religious construction and the ways these conflicts were resolved.

Keywords: Latin West, Late Antiquity, church, episcopate, aristocracy, private religious initiative

For citation: Shemarina A.S., Tyulenev V.M., Private religious initiative in the late antique Latin West (statement of the problem), *Ivanovo State University Bulletin, Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 96—104.

Статья поступила в редакцию 16.01.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 16.01.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 13.03.2026.

Информация об авторах / Information about the authors

Шемарина Анна Сергеевна — студентка кафедры всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, ann.speransky@mail.ru, SPIN: 5688-5864

Shemarina Anna Sergeevna — student of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, ann.speransky@mail.ru

Тюленев Владимир Михайлович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, tyulenev.vl@yandex.ru, SPIN: 6853-5614

Tyulenev Vladimir Mikhailovich — Doctor of Sciences (History), Head of the Department of General History and International Relations, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, tyulenev.vl@yandex.ru